

Татьяна Щербина

Антропологические путешествия

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Щ64

Щербина, Татьяна.

Щ64 Антропологические путешествия / Татьяна Щербина. —
Москва: Издательство АСТ, 2019. — 432 с. — (Table-Talk).

ISBN 978-5-17-110895-3

Глобализация и гугл — вот два главных слова последних лет. Бумажные карты, путеводители, неторопливое знакомство с «местным колоритом» превращаются в анахронизм, исчезающую натуру. Но именно сейчас, в век унификации, сетевых отелей и «олл-инклюзив» хочется остановиться, сойти с этого конвейера на узкую улочку маленького города — и пойти туда, где ничего этого нет. И если вы это сделаете — возьмите с собой книгу Татьяны Щербины «Антропологические путешествия». В книгу вошли эссе и стихи писательницы, вдохновленные ее многочисленными путешествиями. Это — путевые заметки в прозе и стихах. Это элегия, посвященная тихим, не затоптанным улицам, где можно посидеть в небольшом уютном ресторанчике (но с мишленовской звездой!) и выпить бокал хорошего вина. И за неспешной беседой с друзьями вспомнить, что такое настоящее, не загнанное в туристические шаблоны путешествие.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-110895-3

© Татьяна Щербина, текст
© Александр Тягны-Рядно, фотографии
© ООО «Издательство АСТ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замечательная книжка Татьяны Щербины посвящена путешествиям. Путешествиям той поры, когда европейский мир принимал иммигрантов и не знал мигрантов. Я пользуюсь здесь терминологией, предложенной гениальным Умберто Эко. В своем эссе «Миграции, терпимость и нестерпимое» он описал иммигранта как человека, приспосабливающегося к законам и обычаям новой родины. Мигранты же — это люди, которые сами ломают установленные не ими порядки. Ломают в силу своей многочисленности и неотвратимости их появления. Мир, открывающийся перед Татьяной Щербиной, — это тот мир, о котором все мы мечтали, живя внутри наглухо забитых ржавыми гвоздями границ Советского Союза.

Зная Татьяну достаточно давно, я чувствую в ней человека европейского, открытого всему очарованию и всем ценностям старушки Европы. Меня всегда восхищала ее свобода, ее французский, глубина ее стихов и тонкие нюансы, схваченные ею в любой картине, что предстает перед ней.

Таким европейским глазом глядит она и на Восток, и на Запад, на Россию и на Китай, на Индию и на Францию.

Сама я росла, мечтая о путешествиях, дальних странах и континентах, наверное, как и Татьяна, не особо надеясь на то, что мир когда-нибудь откроется нам. Но вот он открылся. И какое это было одуряющее впечатление! Я помню, как плакала лет в тринадцать, увидев фотографию французского замка Шамбор. Я рыдала, осознавая всю невозможность увидеть его наяву. А Татьяна пишет о бордосских виноделах и их замках. Я читаю и думаю: а что если напробиться и поехать вместе с ней туда. Ведь все же стало так реально, так просто. И эта реальность, кажется мне иногда, сделала путешествия не такими романтическими и те страны, о которых мечталось, не такими загадочными.

Мир изменился. Волны мигрантов и раньше захлестывали землю то в одном, то в другом направлении. Так происходит и сейчас на наших глазах. Прозрачность границ, о которой мы

грезили, трансформирует пространство. Делает почти неразличимыми те милые черты, о которых с таким почтением пишет Татьяна. И в этом — особенная ценность ее книги. В ней дивный прежний мир сохранен со всеми его прелестями и недостатками.

Ее наблюдения можно вставить в любой путеводитель. Последний станет тогда бестселлером.

Ирина Ясина

ЛОКАЛ И ГЛОБАЛ

предисловие автора

Человек путешествующий сменил человека читающего. Имея в виду чтение основополагающих книг, которые уже записаны у каждого в подкорке и благодаря которым, приезжая в то или иное место, мы его узнаем. Via Dolorosa в Иерусалиме, «золотообильные», по Гомеру, Микены, победившие Троию, могила волшебника Мерлина в Бретани, в которой торчат записки с просьбами — в лесу Броселианд невозможно не поверить в подлинность героев цикла короля Артура.

Время, когда жизнь ограничивалась своим городом, и только редкие люди перемещались по континентам, кажется уже былинным. Хотя оно было еще совсем недавно. Узнавание происходит не только по книгам: все слышали про войну во Вьетнаме, про французскую колонию Индокитай — попадая в сегодняшний Вьетнам, видишь всю эту историю воочию. Страна, уничтоженная под корень, тропики, превращенные дефолиантами в пустыню, но жизнь занялась снова, в Южном Вьетнаме — на остатках французской роскоши. Добрые, улыбчивые, трудолюбивые вьетнамцы превращают страну в рай, где хочется остаться. И многие остаются. Вообще, сейчас период второго Великого переселения народов, первое было в IV–VII веках, хотя и не такое «великое», не всемирное. В связи с этим возникает вопрос: что лучше — глобализация, когда любая страна оказывается миром в миниатюре, с чайна-таунами, арабским и африканским нашествием в Европу, европейцами, переселяющимися в Азию, или своеобразие и очарование локальных культур? Всюду одни и те же бренды, мировые торговые сети, всюду этнический коктейль, объясняющийся на pidgin English — интернациональном птичьем языке.

В этом для приезжего есть удобство: стандартизация инфраструктуры, узнаваемые названия отелей, ресторанов, продуктов, но хочется путешествия в прошлое. В аутентичные, как любят это называть, Прованс или Тоскану, и чтоб Лондон — с чопорными англичанами за файф-о'клоком, красными телефонными будками и красными автобусами, а вовсе не с про-

зрачными и призрачными современными огурцами, кальянами и толпой в паранджах. Потому что от Лондона классического остается все меньше, и скоро он может стать неотличим от любого другого места. Многим, впрочем, это по душе. Но есть места, в России их множество, которые точно такие же, как при царе Горохе, и путешественников туда не заманишь, поскольку именно что нет инфраструктуры, без которой современный человек себя не мыслит, от старинной архитектуры остались одни воспоминания, дороги плохие, водка — единственное утешение. Такие места как раз мечтают о глобализации, а места ухоженные, сохранившие старину, не знают, как остановить поток шумных туристов и сваливающихся на голову беженцев.

В книге — рассказы о Франции и Китае, Италии и Польше, Вьетнаме и Греции, Словении и России, Швейцарии и США, Сербии и Украине, Израиле и Австрии, Лондоне и Баку, Таллине и Гоа. О том, как сказка о Золушке, в данном случае, русской, воплотилась на острове Корфу, как молятся чудотворной иконе в Ченстохове, о воспроизведенном в Цюрихе Мадагаскаре и вымышленных мирах на родине Жюль Верна в Нанте.

Мир сегодня будто завершил свое строительство — кто как мог, и предстает в качестве музея, в котором каждый и экспонат, и посетитель. Но тут парадокс: всемирная «ВДНХ», к которой все, как мог, прихорошились, одни страны потянула в прошлое, считавшееся благополучно похороненным, другие в хаос. Что дальше: будет лобовое столкновение цивилизаций или планета станет гомогенной, уподобившись всемирной паутине, но сохраняя «фольклорные» уголки и традиции? В Аппенцеле, одном из швейцарских полукантонов, жители до сих пор проводят выборы, выходя на центральную площадь и голосуя поднятием рук. В одной из народностей Китая лучшая невеста — беременная. Предки хозяев замка Дуино, в котором Рильке написал свои *Дуинские элегии*, где гостили Данте и Ференц Лист, создали первую международную компанию, от их имени и пошло слово такси. И еще они, можно сказать, изменили ход российской истории. Во Вьетнаме атеисты отличаются от верующих буддистов только количеством алтарей в доме и тем, что в храмы ходят «не для веры, а для души». Пастилу, изобретенную в Коломне и экспортировавшуюся в Европу, забыли на целый век, заменив советским одноименным продуктом, ничего общего с ней не имеющим, но энтузиасты, почти случайно, возобновили ее производство. В Бордо виноделие — это религия, и я пожила в гостях у семьи, глава которой за копейки скупал виноградники, получая в довесок замки, ша-

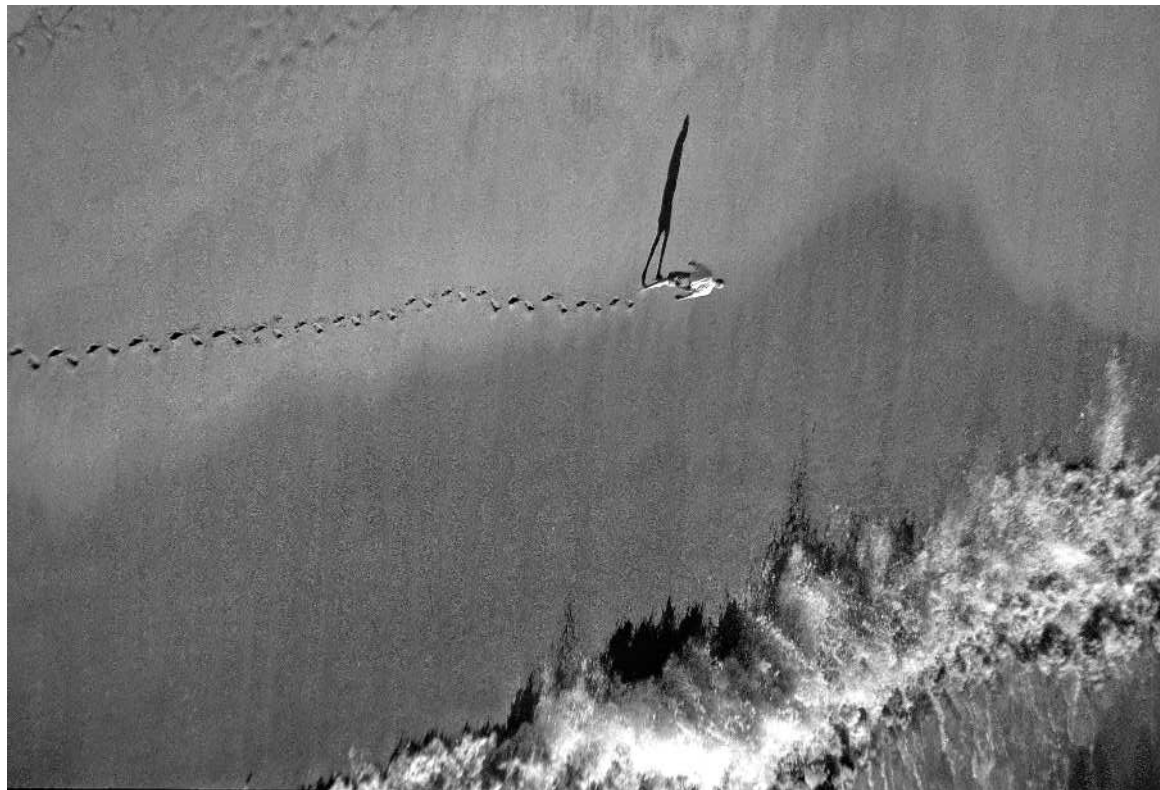
то, после Второй мировой войны, чтоб их спасти, и все считали его сумасшедшим, уверившись, что отныне будут востребованы только картошка и кукуруза. Теперь на эту семью, завладевшую множеством марок вин и замков, снова ставших очень дорогими, смотрят косо. А они, и тогда, нищие, и теперь, богатые, всего лишь верны традиции.

От некоторых традиций нынешние государства и хотели бы избавиться, но не получается. В Индии кастовость действует вопреки законам, от непременных пинков «низшему» до убийств собственных детей, если у них случилась любовь с представителем низшей касты. Так что традиции — это далеко не всегда идиллические картинки.

«Локал» — это пространство «своих», с ясной, хоть и не проведенной границей: квартал, деревня, поселок, маленький городок. В 1990-е я жила в Париже именно в такой атмосфере: во всех близлежащих лавочках, киосках, кафе тебя узнавали, спрашивали «вам, как обычно?» и «как дела?», теперь их все больше теснят grandes surfaces, как это называют по-французски — буквально «большие поверхности». «Локал» персонализирован и уютен, в нем занавесочки, безделушки, цветочки. «Глобал» — функционален, строг, обезличен, прозрачен, стандартизирован и все больше виртуален: заказы всего на свете через интернет, вавилонское столпотворение соцсетей и больших городов.

Рассмотреть планету, на которой живешь — стало, пожалуй, одним из самых важных занятий. Я много раз ловила себя на том, что умозрительные представления о странах и культурах ломаются, когда там оказываешься, а далекая история, которую учил, становится актуальным переживанием.

Татьяна Щербина

ПУТНИК

Поскольку я исповедую субъективный реализм, то и путник у меня тоже — знакомый. Это человек, у которого картинка запечатлется лучше цифры, его открытия происходят в джунглях поселений, а не в дебрях схоластики. Путник никогда не был талмудистом и начетчиком. Он любит ром, звезды, его любимые картины — это подробные разноцветные карты, гиды Michelin, он мореплаватель и автолюбитель. Он — Колумб, который открывает америки для себя, потому что это раньше человечество жило по частям, и белые люди ничего не знали о красных, а желтые — о черных. Теперь мы собрались, и каждый сам по себе и сам для себя ищет пути. Мой знакомый путник искал их в симбиозе книг и секса, а теперь — в туристических агентствах. Настала эпоха великих географических открытий на новом этапе.

Разумеется, у путника нет семьи. Кто ж таскает по штормам жену и детей! В отличие от *sedantaire*, путник осваивает землю не последовательно — от египетских предков через греческих, латинских, израильских к галльским, кельтским и русским, например. Путник нетерпелив, он не может ждать, пока века сделают свое дело. А может, ему просто не достает внутреннего зрения разглядеть в своих генах пирамиду, ядовитую змею, средневековый замок и наскальные иероглифы. Ему нужна картинка, но не кино, снятое чужим дядей, а индивидуально подзорная труба, передающая вкус и запах. Он, собственно, в этом чужом — экзотике — ищет себя, и так прихотливо выискивает, совершенно не интересуясь веткой сакуры, но живо откликаясь на болтовню жако в баобабах рощах.

Я тоже путник, но другой. Меня тянет к козлам и верблюдам, к готическим городам и Атлантическому океану. Но путник всё равно лучше понимает путника, чем радетеля коллективного разума. Причем, это с детства. У нас были пятерки по географии, а они непонятно из чего извлекали квадратные корни.

РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ

На острове Хайнань отдыхают китайцы и русские — больше никого. Ужас оказаться в непроницаемом мире иероглифов и речи, в которой не можешь опознать ни звука, на месте сменяется ужасом чужого русского. Меню на русском — везде, надписи — по-русски, на некоторых магазинах — только по-русски, даже без китайского названия, по отелям порхают русскоговорящие гиды, а в городе Санья, здешнем центре, китайцы, если и знают какие иностранные слова, то русские, но произношение, правописание и шрифт — китайские. Да, даже шрифт — везде один и тот же, специфический, с китайским акцентом. Написанное понятно, но понятно и то, что писавшие не понимали, что пишут. Слова разрываются посередине, склеиваются, буква «р» и «л» взаимозаменяемы как в речи, так и на письме. В китайском звука «р» нет, на слух они его тоже не опознают, для них он неотличим от «л». Из гидов, учившихся в России, одни его просто произносят как л, другие, научившиеся диковинному звуку, путают: то говорят «кулица» (это и в меню часто встречается), то «хородно». «Р» вообще таинственная буква: у разных народов произносится по-разному, арабы и русские чаще всего не могут освоить французское грассирование, а русские дети родное «р» не выговаривают довольно долго.

В парке отеля возле маленького бассейна типа джакузи надпись: *цилование рыбы*. Смотришь — и впрямь, в бассейне этом плавает множество мелких рыбок. Рыбки не простые — они едят людей, за этим люди сюда и приходят: ложишься, а рыбки объедают с тебя омертвевший слой кожи, первым делом бросаясь на пятки. Если полежать часа два — пятки будут как у младенца.

У китайцев другое отношение к природе, чем у европейцев. Мы брезгуем компанией пауков и не смотрим в глаза смерти в обличье гадюки. А китайцы принимают все вызовы: в народности мяо, аборигенов острова Хайнань, дети любят играть со змеями: запускают змею в ноздрю и вынимают изо рта. А взрослые мяо изобрели противоядие от укуса самой ядовитой змеи — королевской кобры. Мне демонстрировали: девушка намазала руку противоядием, потом достала из террариума кобру и дала себя укусить. Конечно, возможно, что это и просто

«антизмеин»: натертое снадобьем место кобра и не укусит. В Китае же не поймешь: здесь все — обман и подделка, и когда тебе что-то пытаются продать (а продать пытаются всё) — вытяжку из акульего жира, целебный чай или препарат из змеино-го яда, то нахваливают свой товар одинаково: от артрита, холестерина, давления, цирроза печени, рака и инфаркта.

Раньше остров Хайнань был всекитайской тюрьмой, как у нас Сибирь. Только здесь, наоборот, это самый юг. Так что до недавних пор ничего тут не было, кроме джунглей, племен мяо и ли и Южно-Китайского моря. Остров кишел змеями, комарами и дикими обезьянами, но теперь никого не осталось: одних съели, других приспособили к цирковым представлениям, из третьих делают настойки, мази и порошки от всех недугов. И для похудения, само собой. Племена мяо и ли тоже пошли в дело: им построили фольклорную деревню, где они демонстрируют свои умения и самих себя. Девушки ли готовы отдаться любому туристу. Не по правде, конечно, а понарошку, для демонстрации своего традиционного уклада жизни. Дело в том, что девушке, когда ей исполняется 13, родители строят отдельный домик рядом с отчим, чтоб она могла там принимать юношей. Самая завидная невеста — беременная. Неважно, от кого, главное, чтоб были дети. Если невеста не беременна, может оказаться, что она или будущий муж бесплодны, а развестись нельзя: как только девушка выходит замуж, ее лицо и тело густо покрывают черными татуировками, чтоб изуродовать: на такую уже никто не позарится, а муж видел ее прежней, и этого достаточно, чтоб на всю жизнь запечатлеть ее еще не «зачеркнутый» образ.

Девственность, правда, тоже ценится, но совсем для другого дела: чай пу-эр, растущий на горе Пяти Пальцев, могут собирать только непорочные девы от 13 до 16 лет. И этот самый дорогой (помогающий от всех болезней, вестимо) чай продается на чайной фабрике по цене в десять раз выше, чем в супермаркетах. — Почему? — спрашиваю. — Потому что в супермаркетах — поддельный. — А зачем поддельный? — Чтобы бедные люди тоже могли его купить. Но это другой чай. И неважно, что другой — покупают название. Правда, если человек, которому по рангу положено поить гостей дорогим чаем, напоит их дешевым, поддельным, будет конфуз. К чаю китайцы относятся так же, как французы к вину. Только у вина все написано на этикетке, а китайцы ориентируются по цене. Чем отличаются поддельные западные бренды, которые китайцы штампуют в безумных количествах, а русские туристы вывозят чемоданами, от настоящих? Ценой. Реальной раз-

ницы качества китайцы не видят. У них все — кое-какистое, но им так нормально.

Хайнань быстро застроили в последнее десятилетие: тут и здание Капитолия — один в один, только меньше размером, тут и европейские особняки под XIX век, и хрущобы, и сталинский вампир — всё вперемежку, на все навешаны большие разноцветные иероглифы, светящиеся по вечерам — в целом всё выглядит, на мой вкус, аляповато. Китайцам же важно, чтоб было ярко, разноцветно, светилось и блестело золотом. В Таиланде и Вьетнаме, в отличие от Китая, много трущоб, нищеты (правда, веселой, не тягостной), но уж к чему приложено тщание, сделано со вкусом. В материковом Китае я, правда, не была, судить не могу. На Хайнане рестораны похожи на вокзалы — большие, уютные, разочаровала и китайская еда, коей я поклонница. В отличие от европейской китайской кухни, здесь кухни как таковой нет: просто горка креветок, кучка мяса и плоска риса. Я была в двух самых дорогих хайнаньских ресторанах и в очень дешевых — дешевые понравились больше. Там хоть порции большие, из дорогих уходила голодная, а имитация гастрономических блюд — петрушкой украсить и вареньем полить — лишняя суета. Чаевые в дорогих тоже сама зарабатывала: уносила грязные тарелки, подливала чай из чайника, ходила на поиски меню, чтоб заказать десерт. Гиды в один голос говорили: «Это юг, что поделаешь! На севере — другое дело».

Гиды все с севера, из Харбина. В бессмысленно дорогие рестораны нас привозили именно они, разводя руками, что если уж в дорогих кое-какисто, представьте, что в дешевых. Это была неправда, но через три дня уже привыкаешь, что здесь все пытаются тебя «развести». В одном из этих дорогих (а надо заметить, на острове всё дороже, чем во Вьетнаме и Таиланде, и цены на «китайщину», которая символ дешевки, кажутся завышенными) я оказалась в компании двух туристов из Якутии и пожилой женщины, директора института из Хабаровска. В их институте все эти китайские гиды и учатся по обмену: русские, которые едут в Китай, по словам директрисы, стремятся там остаться любой ценой: уровень жизни в Харбине намного выше. «Да и Китай рядом, а Москва далеко. Сейчас китайцы строят новый город прямо на границе, хабаровчане мечтают туда переселиться». Китайцев и в самом Хабаровске — половина, происходит постепенное слияние. Китайцы завоевывают территории не танками — телами. Дальневосточные девушки, по словам директрисы, мечтают выйти замуж за китайцев: они и мужья хорошие, и работающие.

По сравнению с русскими китайцы, конечно, очень трудолюбивы, а для них самих образец трудолюбия — японцы. Япония — единственная страна, которую они ненавидят, и все же уважают, как они говорят, за трудолюбие. Слово неточное. Вижу в городе Санья машину: один в один Ниссан Ноут, только значок стоит не ниссановский, а какой-то китайский. Уверена, что это не производство по лицензии, а как со всем остальным: китайцы могут воспроизвести внешний вид, симитировать, а придумать, разработать и не кое-какисто исполнить — нет. Не различают, как звук «р», им и так сойдет. Очень похоже на Россию, где планка кое-какости стоит еще ниже. Братьями китайцы считают корейцев, как южных, так и северных («а чем плохо чучхе?»), мне удалось вырвать у них признание и об отношении к русским. «Русские шумные, громко разговаривают, — начинает гид, лучше всех чеканящая «р» (я это же сказала бы о китайцах. Скажем, в Таиланде они легко распознаются именно по шумности и бесцеремонности). — Русские злые, любят драться, убивают». Трудно не согласиться. Русских либо грозные цари пускают в расход, либо сами друг друга сжидают со света. Юра из Якутии, из Мирного, занимающийся мелким бизнесом и работающий в Алросе, рассказывает: «У нас — всеислие и безнаказанность чиновников, коррупция достигла таких масштабов, что основную часть цены чего бы то ни было составляет потраченное на взятки». «С выборами мэра, — говорит Юра, — тоже нечисто: выбрали не того, кого хотело начальство, так результаты на следующий день подделали, не стесняясь. А правды не добьешься. Один у нас нашелся правдоискатель, так ему наркотики подбросили и упрятали за решетку. Больше дураков нет». Жить в России — совсем не то, что в Москве. Чтобы куда-то поехать, надо сперва добраться до столицы, подать на визу, где-то жить, пока ее не получишь, так что якутские жители, у кого есть деньги, ездят только в безвизовые страны. И обходится им это втридорога по сравнению с москвичами.

Социализм, тоталитаризм, — подумалось мне на острове Хайнань — это наказание для дурных народов. Неспособных к самоорганизации, самоконтролю, лишенных стимула быть лучше. Чтоб не все передрались и не всё разворовали, чтоб хоть что-то делали. «Социализм — это учет и контроль» — была такая формула, но дело не в том: во Франции контроль в сто раз строже, чем в Китае, но у французов в подкорке заложено представление о совершенстве (потому вкус, красота, ухоженность, творческая энергия, давшая миру вакцину, фотографию, кино, моду), а у китайцев это представление когда-то

истерлось, изнашилось, потому что они отказались от модернизации. Как же: Китай — оплот церемониальности, патриархальности и боевых искусств. Это и сейчас чувствуется в каждом китайце: жесткость — за улыбкой миловидных девушек, будто все они — мастера кун-фу и ушу. Когда они разговаривают, руки не летают в воздухе, а рубят его, будто чертят иероглифы. Китай, как и Россия, оказался бессилён перед качественным скачком, которого требовал XX век. Вернее, Россия свой рывок сделала — в космос, но население осталось «массой». И Россия в этой массе увязла, Китай же к своему рывку стал готовиться позже, теперь обгоняет Россию. В Китае все лучшее — государственное, частное — это «частная лавочка» и «шарашкина контора», в советских терминах. Разве что промышлять поделками из ракушек и продавать манго на улице — такое частное было и в советских приморских городках. На песке нет ни одной ракушки, ни одного камушка — только море что-то выбросит на берег, тут же китаец подберет: пригодится. В этом, как мне показалось, главная китайская сила: умение все обратить в свою пользу. От гремучих змей до финансового кризиса: в Китае кризиса нет, они же с миром ни в какие договорные игры не играли, отчего и могли безнаказанно воровать чужие бренды и технологии. Вот юань и крепнет день ото дня по отношению к мировым валютам. А русский с китайцем, похоже, действительно становятся братьями навек.

2009